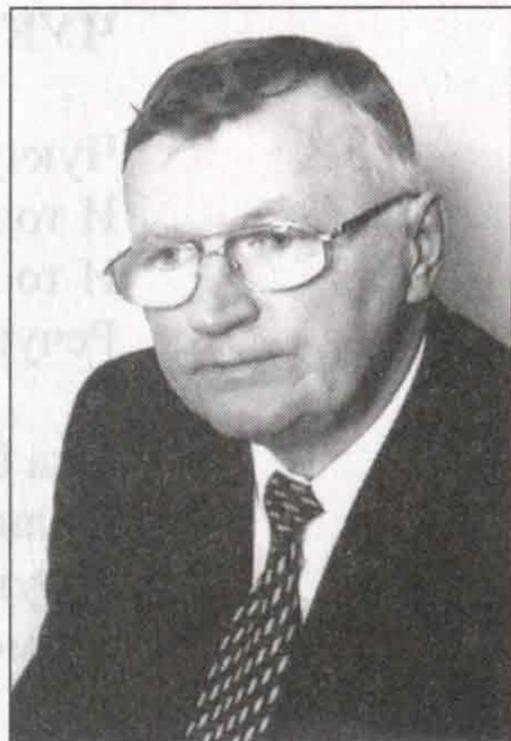

Владимир Гузий

Владимир Свиридович Гузий родился в 1956 году в Актюбинской области. В 1975 году в составе ударного отряда «Волгоградский комсомолец» приехал на строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Работал лесорубом, электромонтером, монтажником, художником-оформителем, мотористом, учителем русского языка и литературы, слесарем, корреспондентом газеты «БАМ», режиссером телестудии, старшим научным сотрудником музея истории БАМа, собственным корреспондентом газеты «Гудок». Участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей (Москва, 1979). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза писателей России, поэт, драматург. Почетный гражданин города Тынды.

Вернуться по кругу

Я ручей перепрыгнул и замер —
Там, где шел полминуты назад,
В зыбком мареве перед глазами
Над поляной висел синий град.

Не гремело вокруг, не сверкало,
Небо было прозрачно-светло —
Просто облако плавать устало
И на мягкие мхи прилегло.

И в застывшее это мгновенье,
Сам себя сознавая едва,
Я случайно увидел строенье
Неизвестного мне существа.

Миллиард дымно-сизых молекул
Не срывался с зеленых орбит
И, в отличие от человека,
Был спокоен, означен, открыт.

Так паслись облака голубики.
Здесь в июле всегда хорошо...
Где-то рядом слышались крики.
Видно, кто-то за ягодой шел.

ЧУКЧУДУ

Чукчуду означает «вернуться по кругу».
И точность эвенков несложно понять:
И то ли от шалости, то ль от испуга
Речушка к истокам подходит опять.

Она бы могла бы раздольно и просто
Пилить и пилить сквозь базальтов гряды,
А тут изгибается знаком вопроса:
«А может, неверной дорогой иду?»

К чему эти все миллионы терзаний?
Ведь выйдет к простору, крути не крути.
Но камни сомнений, столбы колебаний
Нагородила себе на пути.

На трассы прямые все время надеюсь,
Но к бурным порогам я снова приду.
Куда же я денусь, куда же я денусь,
Если вся жизнь у меня — Чукчуду?

Провинция в себя погружена.
Блистают звезды чистые по лужам.
Провинция — сварливая жена,
Покинутая ночью тихим мужем.

Он алконавт, художник-непротык,
Он звездочет, такой-сякой, шалавый.
Он загребать, как люди, не привык.
И надо же — столкнулся вдруг со славой.

Так не бывает, но, поди ж, сбылось.
Так иногда везет провинциалам.
И место для покинутой нашлось
В его наследстве, ярком и немалом.

Она имеет право на него.
Есть документы — многие страницы.
Но с ней не выходило ничего,
А получилось (надо ж!) со столицей.

Она несет достойно жребий свой
И признается всем чистосердечно:
«Да, что-то было у него с Москвой.
Теперь он мой.
Теперь он мой навечно».

НА ПЕРЕВАЛЕ

Мы взяли перевал и разомлели.
И видно четко в обе стороны
И сложности, что мы преодолели,
И радости, что мы достичь должны.

И прелесть в том, что есть на свете память,
И все, что ни случится на веку,
Вновь можно пережить и переплавить
В простую, долговечную строку.

Но всем на свете угодишь едва ли,
И бес сомненья задает вопрос:
— На сколько долларов всего насочиняли?
На крик души не падает ли спрос?

И что пристал на гребне бес сомненья?
— Да там внизу любой юнец с трех нот,
Не прибегая к сложным вычислениям,
Докажет всем, что вы, дружок, банкрот.

И кулаком по ближней луже брызну!
Взлетят стекляшки синею слюдой.
Да ну их на фиг с их капитализмом,
Доходом, имиджем и прочей лабудой!

Покатим вниз.
Куда еще деваться?
Но только надо трезво понимать,
Что у поэта есть одно богатство:
Не продаваться
И не продавать.

НА РУЧЬЕ НАРЗАННОМ

Что творит морозяка-черт!
В нем художник живет что надо —
Взял и вылепил натюрморт
Из замерзшего водопада!

Я бы так никогда не смог —
Из простой воды и камней
Изваять изобилья рог
Только с помощью вдохновенья.

Он нашел, разложил впритык,
По тонам и теням приладил
Желтоватые глыбы тыкв,
Гроздья синие виноградин.

Красных яблок блестят шары,
И капуста сияет бело,
И взъерошены, и остры
Изумрудного лука стрелы.

Весь в цветах золотых подъем,
Розы смело бегут по скалам,
И сверкающим хрусталем
С пузырьками горят бокалы.

ДЕНЬ БРУСНИКИ

Ирине

Какие нынче по листьям блики!
Как высока и прозрачна высь!
Давай отпразднуем День брусники!
Мы очень вовремя добрались.

Зачем же нам запираяться дома,
Столы раскинув, готовить, печь?
Природа празднует по-другому.
Она умеет свой миг беречь.

Здесь ход событий завидно точен,
Канва явлений всегда проста:
День распускания первых почек,
День улетающего листа.

И где мы были, куда глядели?
Понять значения не смогли.
И День снежинки, и День капли
Так незаметно и утекли.

Но помнишь: праздничен и возвышен,
Светясь особенной чистотой,
День белых вишен, День белых вишен
Тебя прозрачной накрыл фатой.

Ручей прохладен, весь лес воздушен,
От ближней тучи уходит тень.
Нам очень нужен, нам очень нужен
Обычный праздник на каждый день.

ОСЕНЬ НА БЫССЕ

Осенняя спокойная краса,
Когда уже все листья облетели,
Прошли дожди, и обнажились мели,
И сделалась собой река Бысса.

Прозрачно-звучны стали берега,
Хоть нет уж птиц на празднике зеленом,
Но одаряет шелестом и звоном
Хрустальная и плавная шуга.

Мне эта осень очень дорога —
Она мне самого в себе открыла.
Душа в свои вернулась берега,
Но не застыла, вовсе не застыла.

Идти не хочется ничуть,
И дорог нам бивак беспечный.
Но дым костра взовьется в путь
И превратится быстро в Млечный.

И Млечный Путь, меж звезд скользя,
Отобразит тропу земную.
И станет ясно, что нельзя
Нам расслабляться ни в какую.

А завтра холодом с реки
Потянет северное лето,
Но мы раздуем угольки
Костра и ближнего рассвета.

ДОРОГА ЧАРА — ЧИНА

Серебром все небо выткано,
У долины — лунный вид,
И внизу курчавой ниткою
Петли вьет Ингамакит.

Заворожены мы обликом
Гор в сиянии луны.
Тепловоз въезжает в облако,
Рельсы в дымке чуть видны.

Ближих звезд иллюминация.
На стекле блестит мороз.
И космической станцией
Проплывает тепловоз.

Вон поселка поднебесного
Огоньков блеснула ртуть.
Смотрим вдаль — и интересно нам:
Рельсы входят в Млечный Путь.

И плывем, плывем над безднами,
Где ни отзвука, ни дна,
И в конце вплывем в созвездие
Под названием Чина.

ГЛЯДЯ НА ЗВЕЗДЫ

Григорию Шумейко

Каждый год ты уходишь далёко,
Чтоб воздать Селемдже свою честь.
О Григорий, еще есть Олёкма
И Гилюй, и Могот тоже есть.

И я думаю: все-таки нужно
Открывать новый край каждый год.
О Григорий, коварная Нюкжа
Столько петель тебе наплетет.

Как-нибудь, меж делами, законно,
Может, вырвемся к дальним гольцам.
Я тебе покажу Ориона,
Что команды дает Гончим Псам.

Он добытчик, он древний охотник,
Только Рысь не догонит никак.
Вон еще Водолей, тот — работник,
Ко всему остальному — мой знак.

Я люблю эти звездные книги,
Каждой ночью читать их привык.
И какие б мы сделали сдвиги,
Если б знали все звездный язык.

Неспроста каждый солнечный сполох,
Неспроста весь расчисленный ряд.
И не зря утверждает астролог,
Глядя в звезды: «Они говорят!»

Мы поклонники звездного света.
Как нас тянет в такие места.
Маяковский, не будь он поэтом,
Звездочетом, конечно бы, стал.

Мы устроимся с самого краю,
Там, где сходится небо с землей,
Где гремяще и шумно впадает
В Млечный Путь золотистый Ольдой.

Здесь бушуют такие закаты,
Ночью небо яснее до дна.
Голубику гребни хоть лопатой,
Только это не любит она.

Здесь медведи бредут табунами,
И поет чистым басом сокжой...
А потом, как-нибудь, меж делами,
Познакомишь меня с Селемджой.